

ШЕДЕВРЫ ДЕТЕКТИВА #1

НИКОЛЯ БЁГЛЕ

ОСТРОВ ДЬЯВОЛА

Поиски преступника грозят новой драмой, если за убийством
кроется ужасающая семейная тайна.

Лауреат премий Prix du Polar des Petits Mots
des Libraires и Prix du Roman Populaire

Иностранный детектив

Николя Бёгле

Остров Дьявола

«Центрполиграф»

2019

УДК 821.133.1-31
ББК 84(4Фра)

Бёгле Н.

Остров Дьявола / Н. Бёгле — «Центрполиграф»,
2019 — (Иностранный детектив)

ISBN 978-5-227-09240-3

Инспектор норвежской полиции Сара Геринген оправдана после года, проведенного в тюрьме по обвинению в служебном преступлении. В день, когда ей предстоит выйти на свободу, на нее обрушивается новый удар: зверски убит ее отец. Перед смертью его жестоко пытали, руки изуродованы, в животе найден ключ, а труп посыпан странным белым порошком. Полицейский начальник Сары предлагает ей заняться поисками убийцы. Однако по закону в случае происшествий с родственниками это недопустимо, и формально руководить расследованием он назначает молодого офицера Адриана Колла. Это сотрудничество приносит первые успехи. Инициативный Колл обращает внимание Сары на важные детали, и вскоре они попадают в затерянный в лесу старый особняк. Отсюда начинается полный испытаний путь Сары к разгадке ужасающей семейной тайны.

УДК 821.133.1-31
ББК 84(4Фра)

ISBN 978-5-227-09240-3

© Бёгле Н., 2019
© Центрполиграф, 2019

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	9
Глава 3	12
Глава 4	14
Глава 5	16
Глава 6	18
Глава 7	19
Глава 8	21
Глава 9	22
Глава 10	24
Глава 11	27
Глава 12	30
Глава 13	33
Глава 14	35
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Николя Бёгле

Остров Дьявола

Моей жене Каролине, и двум нашим дочерям, Жюльетте и Еве

© ХОЕ Editions, 2019

© Перевод и издание на русском языке, «Центрполиграф», 2020

© Художественное оформление, «Центрполиграф», 2020

Глава 1

Сара открыла глаза, и взгляд ее уперся в потолок камеры. Что за звук вырвал ее из сна? Мозг под действием транквилизаторов работал медленно. Она неловко приподнялась на койке и посмотрела по сторонам.

Тусклый свет неонов заливал коридор до бронированной двери, ее будильник, такой же тусклый, показывал 5:53.

Вдали устало гудел вентилятор, слышался кашель, за ним – скрип пружин изношенного матраса, а снаружи доносились приглушенные завывания ветра, обдувающего колючую проволоку на гребне тюремной стены.

Начинавшийся день обещал стать особым для нее одной. Не было никакой причины, чтобы тюрьма и остальные триста заключенных, содержащихся в ней, изменили свои привычки.

Сара затаила дыхание. Ее обостренный слух только что уловил странный звук, выпадавший из обычной тюремной симфонии. Неясный, едва слышный, он тем не менее был реален, и теперь она понимала, откуда он исходит: из помещения надзирательниц. Голоса – жужжащие, нервные.

Сара сбросила одеяло и поставила босые ноги на ледяной пол. Она обошла туалетную кабинку, откуда исходил острый запах мочи, прошла мимо раковины умывальника, держась за нее рукой, и остановилась перед тяжелой зеленой дверью, прильнув к глазку в ней. Шум стал отчетливее. Сара прижалась ухом к холодному металлу двери, на этот раз она была уверена: кто-то приближается. Судя по ритму позвякивания связки ключей о ремень, человек шел быстро. Даже торопливо.

Внезапно прозвучали два положенных по инструкции удара в дверь камеры. Затем раздалась щелчка ключа в замке и скрип дверных петель. Дверь открылась, и в проеме возникла массивная фигура старшей надзирательницы.

– Сара Геринген, одевайся.

Белесый свет ворвался из коридора в камеру так же агрессивно, как этот приказ, брошенный в лицо.

– Зачем? – спросила Сара, глядя надзирательнице в глаза. – Мое освобождение назначено на восемь часов утра, а сейчас и шести еще нет.

Надзирательница, похожая на колобок в форме, потеряла свой двойной подбородок, как будто ее укусил комар.

– Тут тебя кое-кто хочет видеть.

– Кто?

– Не знаю! Делать мне больше нечего, как отвечать на твои вопросы.

Сара внимательно рассматривала собеседницу так же, как раньше во время допросов рассматривала подозреваемого. Суетливость надзирательницы, избыточная властность и нервозность движений выдавали ее дискомфорт.

Этой женщине явно было не по себе. Либо потому, что она была не согласна с приказом, выполнить который ее заставили, либо потому, что боялась открыть Саре личность ее гостя.

Обе женщины прошли вдоль бронированных дверей, за которыми томились черные души других заключенных. Из камер пахло моющим средством, едва заглушавшим запах пота.

– Быстрее!

Это отступление от расписания нарушало план, придуманный Сарой для этого исключительного для нее дня – дня выхода на свободу. Едва она шагнула бы за ворота тюрьмы Осло, на нее накинута бы с вопросами журналисты: «Вы испытываете радость оттого, что оправданы по ватиканскому делу, или негодование от того, что провели год за решеткой?», «Чем наме-

рены заняться?». Она хранила бы молчание, не в силах ответить. В толпе любопытных Сара, возможно, увидела бы Кристофера, но не поддалась бы искушению подойти к нему. Ее мать и сестра, возможно, захотели бы обнять ее, а отец, как обычно, стоял бы в стороне. И только войдя в родительский дом, Сара сказала бы им то, что они хотели услышать: она счастлива оттого, что наконец вышла на свободу.

– Куда именно мы идем? – спросила Сара.

– В кабинет директора.

– Это он хотел меня видеть?

– Он тебе это сам скажет.

Надзирательница уже стучала в дверь директорского кабинета.

– Войдите! – ответил напряженный голос.

Сара набрала в легкие больше воздуха и убедилась, что твердо стоит на ногах. Она сразу узнала директора тюрьмы – маленького человечка в очках, вставшего из-за рабочего стола, чтобы протянуть ей руку, но застыла в неподвижности. В кабинете находился еще один человек.

– Мне нет необходимости представлять вам Стефана Карлстрёма, – произнес маленький человечек.

Начальник полиции Осло – мужчина возрастом от сорока пяти до пятидесяти, с квадратными плечами и лысой головой – сделал шаг навстречу Саре.

– Я... счастлив тебя видеть, – начал Стефан.

За год Сара потеряла десять килограммов, и ее стройность превратилась в нездоровую худобу. Она теперь не собирала волосы в хвост, а носила короткую стрижку, растрепанные волосы еще больше подчеркивали ледяную голубизну ее глаз.

Что осталось от его боевого товарища, с которым он служил в спецназе? Во что превратилась крепкая, уверенная в себе инспектор полиции, работой которой он руководил на протяжении почти десяти лет?

– Почему ты здесь? – спросила его Сара.

– Присядь, пожалуйста, – предложил он.

Эти церемонии Саре не нравились: все это было слишком медленным, слишком торжественным. Она села на стул, чтобы не терять времени.

Стефан заговорил, как будто пересказывая недавно заученный урок:

– К сожалению, у меня для тебя плохая новость.

Сара даже не моргнула.

Начальник полиции пошевелился в кожаном кресле, которое при его движении заскрипело.

– Новость о твоём отце, – проронил Стефан. – Он нас покинул...

Голос Стефана прозвучал в тишине, плотной, как материал, из которого были сделаны прочные тюремные стены.

Сара отказывалась поверить в то, что услышала. Этой новости не было места в программе, составленной ею для себя на этот день.

– О его смерти стало известно этой ночью... – вновь заговорил Стефан.

В этот раз слово «смерть» поразило ее, но боль пришла не сразу. Она выросла при отце, но по-настоящему его не знала. Когда он еще работал, а она и ее сестра были маленькими девочками, работа военного репортера забрасывала его в разные далекие уголки мира. Когда отец возвращался, он рассказывал очень мало и почти не участвовал в жизни семьи. После его выхода на пенсию их отношения оставались спокойно-ровными и отстраненными. Он еще при жизни был для нее отсутствующим. С точки зрения рассудка его смерть была почти незначительным событием. Но в глубине сердца Сара почувствовал укол, и горло ее непроизвольно сжалось.

– А почему сообщить об этом приехал ты?

Стефан сплел пальцы и с глубоким вздохом проронил:

– Потому что его убили.

В мозг Сары ударил заряд электричества, вызвав выброс адреналина, растекшегося по всему телу. Ей вдруг показалось, что она очнулась от долгого сна.

– Убили? Моего отца?

Стефан кивнул.

– Сара, мне очень жаль! Я...

– Это не имеет никакого смысла! Никакого!

Начальник полиции погладил свой лишенный растительности череп.

– Я знаю, в это трудно поверить.

– А моя мать? – спросила Сара, содрогнувшись.

– С ней все в порядке. Ее не было дома, когда это случилось: она заночевала у твоей сестры. Они собирались вместе ехать встречать тебя при выходе из тюрьмы.

– Этого не может быть... Что случилось?

– Соседка вышла выгулять свою собаку, а та стала лаять перед дверью дома твоих родителей, вырвалась, и хозяйка поймала ее буквально перед входной дверью. Дверь была взломана. Соседка позвала, но на ее голос никто не отозвался. Она сразу же вызвала полицию. Было 22:30. Прибывший на место патрульный экипаж обнаружил труп твоего отца в его кабинете на втором этаже.

Сара справилась с подкатившей тошнотой.

Стефан протянул руку к ее плечу, но она отстранилась.

– От чего он умер?

– Пока точно неизвестно... На месте работают эксперты. Единственное, что мы знаем: входная дверь была взломана.

– Плохо закончившаяся попытка ограбления, – прошептала Сара.

Стефан словно подбирал слова. Сара не сводила глаз с его губ, готовая моментально поймать первый сорвавшийся с них звук.

Он посмотрел ей прямо в глаза.

– То, в каком виде нашли твоего отца, Сара, не может быть результатом нападения застигнутого в доме вора. Только не эта мизансцена.

Глава 2

Внедорожник БМВ с эмблемой норвежской полиции на боку мчался по шоссе, разметая кучи опавших листьев. Выход из тюрьмы раньше назначенного времени позволил Саре избежать натиска поджидавших ее журналистов. В мягком салоне автомобиля инспектор откинулась назад, положив голову на подголовник сиденья. Вдалеке Сара увидела холм Гёустад – строители восстанавливали психиатрическую больницу. Шрам в углу глаза дернулся, и в памяти всплыл жуткий пожар, уничтожавший здание. Только бы ей никогда больше не пришлось снова переступить порог подобного места! Стефан решился нарушить молчание:

– Хочешь, остановимся взять что-нибудь перекусить?

– Спасибо, – ответила Сара, поворачиваясь к нему, и только тут заметила на его безымянном пальце обручальное кольцо.

– А ребенок у вас есть? – спросила она.

– Что?

Она кивком показала на кольцо.

Стефан, казалось, смутился.

– Нет, пока еще нет. Мы поженились совсем недавно. Всего пять месяцев назад.

– Я рада за тебя.

Снова повисло молчание.

По мере того как они приближались к фьорду, воздух становился более влажным, из придорожных канав поднимался туман, пытавшийся окутать машину.

– Стефан, кому поручено расследование?

Прежде чем ответить, начальник полиции покусал ноготь на мизинце.

– Если бы это зависело от меня, я бы поручил его тебе. Но как ты отлично знаешь, по бюрократическим правилам это не пройдет. Прокурор никогда не согласится...

– Не думаешь же ты, что я буду стоять в стороне сложа руки, в то время как кто-то другой станет расследовать убийство моего отца!

– Знаю... И именно для этого придумал особую комбинацию.

– То есть?

– Официально ты не будешь вести расследование. Я назначил молодого перспективного дипломированного парня, но он позволит тебе самой без помех расследовать дело, оставаясь в тени.

– Ты в этом уверен?

– Я сам брал его на службу.

– А если кто-нибудь его выдаст?

– Я обещал ему, что прикрою его, и сделаю это.

– А остальная следственная группа?

– Я создал совсем маленькую команду, чтобы максимально уменьшить риск утечки. Судмедэксперта ты знаешь. Это Тобиас Ловструд.

Сара вспомнила, какая взаимная симпатия возникла между нею и этим старым, немного чудаковатым экспертом во время расследования дела в больнице Гёустад. Она была уверена, что он ее не выдаст.

– Экспертом-криминалистом я назначил молодую, начинающую сотрудницу. Ты для нее – идеал и образец для подражания. Она будет нема как могила. Кроме того, в случае чего я и ее прикрою.

Сара оценила весь тот риск, который Стефан брал на себя ради нее.

– Спасибо, – сказала она.

– Постарайся не светиться и будь осторожна. Это все, что я от тебя прошу. То, что сделали с твоим отцом, мог совершить только сумасшедший, причем из-за страшной ненависти.

В тот момент, когда слова Стефана звучали в ее ушах, Сара увидела первые дома квартала, в котором жили ее родители. Прижавшись лбом к стеклу, она стала считать их, как всегда делала в детстве, возвращаясь с каникул. Старые дубы, ее друзья прошлых лет, сегодня стояли, опустив голые ветки, словно искривленные руки. Она продолжала счет до того момента, когда впереди появились огни, пробивавшиеся сквозь туман. Это были проблесковые маячки полицейских автомобилей.

И тут Сара увидела на холме приближающееся массивное строение: дом ее детства; она и представить себе не могла, что однажды на него будут отбрасывать свет, словно танцующие какой-то зловещий танец, отблески маяков машин полиции.

Сара вздрогнула от хлопка водительской дверцы. Стефан вышел и поднял воротник парки, защищая от холода свой голый затылок. Она в свою очередь тоже вышла из теплого салона машины.

Запах влажной земли и покалывающий кожу холод разбудили ее притупившиеся чувства. Сара пошла к калитке, возле которой угадывался силуэт дежурного офицера.

Он приветствовал начальника здоровой рукой, другая была в гипсе.

– Офицер Колл, представляю вам инспектора Сару Геринген, – сказал Стефан.

Стоявший на посту офицер приветствовал ее коротким кивком и несколько излишне торопливо поднял черно-желтую ленту, преграждавшую вход на участок.

Стефан хотел еще что-то добавить, но для Сары с этого момента не было более неотложной задачи, чем войти в дом.

В тишине раннего серого утра скрип шагов по гравиевой дорожке отдавался от окружающей их стены тумана, который был настолько густым, что Саре понадобилось несколько секунд, чтобы разглядеть очертания возвышавшейся над домом большой трубы. А вот на это узловатое дерево они с сестрой забирались и играли в пиратов и в страну, где главные – дети. Ей вдруг представился отец, собирающий опавшие листья, а мать зовет их обедать.

– Сара... ты в порядке?

Она не ответила и пошла к дому.

Входная дверь была приоткрыта. Сара хотела распахнуть ее, но тут кто-то тронул ее за плечо. Она моментально схватилась за запястье и уже готова была вывернуть его, но вовремя совладала с собой.

Стефан смотрел на нее со смесью тревоги и боли. Смутившись, Сара разжала пальцы.

– Ты уже не в тюрьме...

Сара сделала извиняющийся жест рукой.

– Не забудь это, – сказал Стефан, протягивая ей пару латексных перчаток и бахилы.

В прихожей консоль из белой сосны была на своем месте, с потолка по-прежнему свисала тяжелая люстра. Сара поставила ногу на первую ступеньку лестницы, и одна из половиц скрипнула. Мать постоянно просила отца укрепить эту половицу, а он проводил дни в садике или в одиночестве в своем кабинете.

Она продолжила подниматься. Комок в горле давил сильнее, живот напрягся. В легкие поступало все меньше и меньше воздуха. Она совсем запыхалась, пока поднялась на второй этаж.

Стефан уже ждал в конце коридора, перед дверью кабинета ее отца, откуда вырывался яркий свет, какой бывает в хирургических операционных.

Сара прислонилась к стене. Стефан шагнул к ней, чтобы помочь, но она подняла руку, показывая, что справится сама.

Мобилизовала волю, напрягла мускулы и пошла той походкой, которую знали ее коллеги: спокойной, но решительной. Стефан протянул ей респиратор.

– Мы пока не знаем результатов первых анализов... Сейчас ты поймешь, почему мы так осторожничаем.

Ошарашенная Сара надела респиратор и отрегулировала удерживающие его ремни.

Глава 3

Сара давно не заходила в эту комнату, но ей показалось, что здесь ничего не изменилось. Величественное бюро из лакированного дуба, похожее на церковный алтарь, стояло перед окном в форме полумесяца. Стенной книжный шкаф был полон книг по истории, а в помещении благочестиво витал запах воска. Девочки никогда не получали от отца приглашения присоединиться к нему в этом святилище, в котором он просиживал порой многие часы, но Сара несколько раз тайком пробиралась сюда и чувствовала себя здесь словно в защитном коконе.

Сегодня на полу стояли мощные прожекторы и было светло, как в операционной. В кабинете находились двое: сотрудница научно-технического отдела полиции в защитном комбинезоне и судмедэксперт в шапочке, закрывавшей его волосы, и в маске на лице, сидевший на корточках возле саквояжа с медицинскими инструментами.

– Приехала инспектор Геринген, – сказал Стефан.

Медэксперт с трудом распрямился и дружески махнул рукой Саре, которая не успела ему ответить, потому что остолбенела, увидев перед собой жуткую картину.

Труп лежал на полу, на спине, совершенно обнаженный, но полностью покрытый каким-то белым порошком. Странная пыль частично скрыла морщины пожилого человека, чья растянутая кожа словно приклеилась к костям, будто расплавившийся пластик.

Сара прерывисто дышала. Потрясенная сильнее, чем ожидала, она сдвинула маску респиратора на лоб, чтобы глотнуть свежего воздуха.

– Ты в порядке? – спросил ее Стефан.

Сара кивнула, но у нее тут же перехватило дыхание, когда она увидела, в каком состоянии руки и ноги отца. Кончики пальцев на них распухли, кожа так натянулась, что на одних кровь, казалось, вот-вот прорвется наружу, а на других уже появилась гангрена, окрашивая кожу в черный цвет, предвещавший скорое разложение.

Но когда взглянула на лицо, на которое до того старалась не смотреть, она испытала еще более сильный шок.

Под слоем белого порошка видны были искаженные невыносимой болью черты того, кто был ее отцом: углы губ разорваны, кровь запеклась коричневыми сгустками... Но страшнее всего был застывший в мертвых глазах отца ужас.

Сара прислонилась спиной к стене и опустилась на корточки. Сцепив пальцы рук, она никак не могла поверить в то, что увидела, и в то, что сможет перенести потом воспоминания об этом.

– Сара... – начал Стефан, присевший напротив нее. – Давай уйдем отсюда.

– Тобиас, какова причина смерти? – сумела выговорить Сара, обращаясь к судмедэксперту.

– Вот это вопрос... – начал тот. – Ни одна из обнаруженных ран не могла вызвать смерть. Мне пока неизвестна причина остановки сердца. Единственный момент...

– Что это за белый порошок?

– Анализы как раз сейчас проводятся. Мы боимся, что это окажется *Bacillus anthracis*¹, гидразин или фенарсазин-хлорид. Это могло бы помочь определить диагноз. Но пока не будем этим увлекаться – еще ничего не ясно.

– Следы убийцы или убийц? Хотя что-то? – обратилась Сара к стоявшей возле окна сотруднице научно-технического отдела, которая только что поместила в пузырек ворсинку ковра.

Ей ответил молодой голос, приглушенный защитной маской:

¹ Бацилла антракса (лат.) – возбудитель сибирской язвы. (Здесь и далее примеч. пер.)

– На данный момент ничего. Но мы только что начали сбор и анализ обнаруженных образцов.

Сара снова повернулась к медэксперту; кулаки ее были сжаты, дыхание становилось все более прерывистым.

– Вы сказали «единственный момент»...

– Да, у вашего от... у жертвы обнаружены повреждения верхней части гортани и глотки. Желудок же при пальпации показался мне слишком напряженным. Это позволяет предположить, что жертву заставили проглотить чужеродное тело, находящееся в данный момент в его пищеварительной системе.

Сара велела доктору отвезти тело в Центр судебно-медицинской экспертизы для вскрытия. И вдруг, едва сдержав рвотный позыв, бросилась в ванную комнату, сорвала респиратор, и ее стошнило в раковину. Восстановив дыхание, прополоскав рот и умыв лицо, она села возле ванны, обхватив голову руками. Все происходящее было каким-то абсурдом.

Его не могли убить при таких обстоятельствах. Только не ее отца. Не этого спокойного человека, не попадавшего ни в какие сомнительные истории.

– Можно войти? – спросил Стефан.

– А что, если этим убийством целили в меня?

– Почему ты так думаешь?

– Не знаю, но мне кажется странным такое совпадение: его убили в день моего освобождения из тюрьмы.

– Полагаешь, кто-то послал тебе предупреждение или пытается отомстить?

Сара пожала плечами.

– В обоих случаях послание должно было быть ясным для тебя. Ты не видишь в этой мизансцене ничего, что могло стать для тебя конкретным указанием?

– Нет. Абсолютно ничего.

– Может быть, твой отец...

– Скажи, – перебила Сара, – все арестованные мною преступники в данный момент сидят за решеткой?

– Да, и сидеть им еще долго.

– Но почему убийца пошел на преступление именно вчера? Точно накануне моего выхода из тюрьмы?

– Может быть, просто потому, что твой отец остался в доме один... Это облегчило убийце его задачу.

Сара начала понимать, что ей придется принять версию, которую она отвергла с самого начала. Потому что она сейчас видела единственное объяснение этому убийству. Объяснение столь же жуткое, как искаженное лицо трупа: ее отец был не тем, за кого себя выдавал.

Глава 4

– Слушай, Сара, я не могу здесь оставаться дольше, – извинился Стефан. – Но мне надо тебе сказать еще кое-что. Пойдем в гостиную, там нам будет спокойнее.

Сара оперлась на руку, протянутую им, чтобы помочь ей встать. Они вместе спустились на первый этаж. Закрыв дверь гостиной, Стефан тихо сказал:

– Сара, тебе совсем не обязательно взваливать это на себя. Если ты только попросишь, я поручу дело опытному сотруднику.

– Мне это тяжело, но, если я буду сидеть и ничего не делать, будет еще тяжелее.

– О'кей. Тогда тебе понадобится это, – продолжал Стефан, протягивая ей мобильный телефон. – Пин-код 0598. Я забил в память номера, которые тебе понадобятся: мой и твоих товарищей по следственной группе. Возьми и этот фонарь. Твое личное оружие я тебе вернуть, конечно, не могу.

Сара разложила телефон и фонарь по карманам.

– Перед выходом ты взяла все свои бумаги?

– Стефан, ты принимаешь меня за новичка? Где сотрудник, который будет официально вести расследование?

– Ты его уже видела. Он стоял у входа. Его зовут Адриан Колл.

– Тот, что с рукой в гипсе?

– Я специально выбрал его, чтобы он тебе не мешал и не вздумал изображать из себя героя. Он здесь исключительно для того, чтобы подписывать бумаги и служить марионеткой. Ты против этого не возражаешь?

– Он уже видел место преступления?

– Да, разумеется.

– Тогда я переговорю с ним, когда уйдут медэксперт и девушка из научно-технического отдела.

Зазвонил телефон Стефана. Он вздохнул, потом посмотрел на Сару взглядом, выражавшим нечто большее, чем профессиональная симпатия.

– Подумай, может, тебе все-таки стоит отдохнуть и...

Она почувствовала, что Стефан не решается сказать ей что-то еще. Он хотел положить свою руку на ее, но остановился, в последний раз посмотрел ей в лицо, потом ответил на вызов и вышел из комнаты.

Оставшись одна, Сара не смогла удержаться от желания позвонить матери. Она набрала номер, а когда услышала дрожащее «Алло», у нее пропал голос.

– Аллю, кто у аппарата? – повторила мать.

Сара закрыла глаза. Задыхаясь от душевной боли, не в силах произнести ни слова, нажала на отбой.

В подавленном состоянии она вышла из гостиной в тот самый момент, когда судмедэксперт и санитар выкатывали из дома тележку, на которой в черном пластиковом пакете лежал труп ее отца.

Не веря своим глазам, она проследила взглядом за мрачной процессией, проследовавшей по гравиевой дорожке до улицы. Дойдя до калитки, Тобиас Ловструд перекинулся несколькими словами с молодым полицейским, которому было официально поручено расследование.

Тот расписался в регистрационном журнале, после чего тело Андре Вассили погрузили в санитарную машину.

Хлопнули задние дверцы, и машина растворилась в тумане, не включая ни сирены, ни мигалки.

– Инспектор Геринген?

Она даже не заметила, как офицер Колл поднялся по ступенькам крыльца.

– Да?

– Офицер Колл. Это мне...

– Стефан все объяснил. Оставьте меня на несколько минут одну, потом я спущусь к вам.

– Хорошо, как скажете.

Сара снова поднялась на второй этаж и остановилась на пороге кабинета. Сотрудница научно-технического отдела скрупулезно продолжала свою работу, словно дисциплинированный муравей. Экипированная мощным фонарем «Полилайт» и в очках с желтыми стеклами, чтобы выявлять следы, невидимые невооруженному глазу, она направила луч света на пол, где несколькими минутами ранее еще лежал труп.

Сара отметила, что на эксперте уже нет респиратора.

– Я проверила помещение на наличие химических токсинов. Этот белый порошок не представляет никакой опасности, – сказала эксперт, жестом приглашая ее войти.

– А что это такое?

– Я пока еще не установила. Могу только сказать, что он не входит в список токсичных веществ.

Сара бросила быстрый взгляд на лицо молодой женщины. Лет тридцати, брюнетка, вид школьной учительницы.

– Улики?

– Многочисленные отпечатки пальцев, но нужно дождаться, пока в лаборатории проведут их сравнительный анализ с отпечатками жертвы. А также следов обуви с обувью жертвы.

– Вы уже осмотрели бюро?

– Пока нет... Хотите, я уйду?

– Нет-нет, продолжайте работать.

Сара прошла по комнате и посмотрела на дубовое бюро, освещаемое лампой с оранжевым абажуром, с кожаным бюваром на середине и авторучкой сбоку. Единственным более личным предметом была фотография в рамке. Со снимка улыбался отец, уже немолодой, в окружении двух девочек-подростков и жены. Фотография была сделана перед домом. Сара запомнила тот день еще и потому, что отец им тогда сказал, что любит их. Сказал единственный раз в жизни. Со слезами на глазах Сара поставила фотографию на место и открыла ящик стола. Внутри она нашла папки с документами, которые просмотрела, усевшись в глубокое отцовское кресло. Счета за электричество, воду, техобслуживание автомобиля, квитанции об уплате налога: все было в порядке, никаких подозрительных расходов.

Сара открыла второй ящик, и ее внимание тотчас же привлек желтый конверт с эмблемой норвежской полиции. Она извлекла написанное от руки и датированное 3 июня 2019 года заявление. Автором был ее отец – Андре Вассили. Сара пробежала взглядом заявление и не поверила собственным глазам.

Глава 5

Сара торопливо прочла заявление полностью:

«3 июня моя жена, г-жа Камилла Вассили, нанесла мне телесное повреждение, дважды ударив в лицо деревянной статуэткой размером с кулак, что повлекло легкое повреждение нижней челюсти и выраженный отек век одного глаза. Я желаю заявить о данном факте».

Сара была ошарашена.

Она знала, что родители не ладят между собой, но никогда и представить себе не могла, что они могут подраться. В ее глазах мать всегда была сама доброта. Что, судя по заявлению, которое держала в руках, было далеко не так. И она сама себе не могла поверить, что мать надо включить в список подозреваемых.

Сара в шоке поместила заявление в пластиковую папку-файл и положила на тележку эксперта рядом с собранными образцами.

– Напомните мне ваше имя.

– Эрика, мадам.

– Эрика, вы подтверждаете, что обнаружили на входной двери следы взлома?

– Да, мадам.

Сара задумалась.

Разумеется, ее матери не было необходимости взламывать дверь, чтобы войти. Но что, если она пыталась замести следы, инсценировав взлом уже после убийства? Этого нельзя было исключать. Сложнее было поверить в то, что она устроила такую мизансцену, чтобы убить мужа.

Сара закрыла ящик и решила осмотреть книжный шкаф. В конце концов, ее отец проводил в кабинете многие часы, и она всегда была уверена, что он там читал. Но что? Судя по названиям на корешках стоявших на полках книг, любимой его темой был период между двумя мировыми войнами, в первую очередь 1930-е годы. Полки, высившиеся от пола до потолка, были просто забиты работами, посвященными этому периоду, и это походило на какую-то манию. И только одна книга выбивалась из общего ряда. Сара заметила ее сразу. Это было роскошное издание на лощеной бумаге – фотоальбом с изображениями самых красивых бассейнов мира. Сара удивилась, поймав себя на том, что мысленно улыбается, потому что вспомнила, как эту книгу они – мать, сестра и она – вместе подарили отцу, чтобы убедить его сделать бассейн в их садике. Конечно, для Осло их идея была несколько экстравагантной. Впрочем, отец сразу и категорически отказался, объяснив, что не любит воду. Точнее, что у него фобия: боязнь стоячей воды после того, как в детстве он чуть не утонул в пруду. Сара прочитала написанное матерью посвящение, имя сестры и свое собственное, выведенные еще детским почерком после короткого пожелания: «Чтобы мы купались там вместе с тобой!» Растрогавшись, она поставила книгу обратно в шкаф, но тут ее ослепил луч «Полилайта».

– Простите, фонарь выскользнул у меня из рук, – извинилась эксперт.

«Видимо, Стефан повесил мне на шею самую неопытную и самую неловкую группу из всех возможных», – подумала Сара.

– Знаете, я пошла в полицию благодаря вам, – призналась молодая сотрудница, увидев, что Сара направляется к двери комнаты. – Мне не хочется вас разочаровывать.

При других обстоятельствах Сара, возможно, оценила бы комплимент. Но на месте преступления она позволяла себе только относящиеся к расследованию разговоры.

– Скажите мне, если найдете что-нибудь необычное, даже если вам это покажется не относящимся к делу.

Сара шагнула через порог кабинета, но обернулась, испытав странное ощущение. Отец не оставил никаких заметок, никакой начатой работы, никаких следов своего репортерского прошлого. Только скучные счета. Неужели он закрывался в этой комнате затем, чтобы почитать?

Она продолжила осмотр дома, пройдя в комнату, которую когда-то делила с сестрой, а сегодня ставшую мастерской, где мать рисовала. Потом с тягостным чувством заглянула в ящики шкафов родительской спальни... Она собиралась исследовать содержимое аптечки в поисках подозрительных препаратов, но тут услышала голос эксперта:

– Инспектор!

Сара бегом вернулась в кабинет.

– Я не нашла ничего... очевидного. Но поскольку вы мне велели держать вас в курсе всего... ну, в общем, я подумала, что...

Сара не пришла ей на помощь, а нетерпеливо сказала:

– Короче, показывайте.

Эксперт направилась прямиком к бюро, обошла его и присела на корточки.

– Вот, возьмите мои очки, – предложила она.

Сара надела очки с желтыми стеклами и опустила на одно колено.

– Посмотрите на первый ящик. Видите отпечатки пальцев на ручке?

Сара проследила за лучом фонаря и четко увидела скопление отпечатков на металлической скобке, потянув за которую можно было открыть ящик.

– Обратите внимание, что отпечатки находятся только в этом месте, – продолжала молодая полицейская.

Действительно, на дереве не было абсолютно никаких следов.

Сара ждала продолжения.

– Посмотрите на третий ящик, то же самое: отпечатки на ручке, и всё, на передней части дверцы ничего. Теперь средний.

Луч фонаря осветил сначала ручку, тоже захватанную пальцами, а затем прошелся до дверцы ящика. В глаза Саре бросилась одна деталь.

– Видите отпечатки в верхнем углу? – спросила эксперт. – Наверное, это ничего не значит, но, поскольку вы велели сообщать вам обо всем необычном... В левом углу многочисленные отпечатки. Все время одного и того же пальца, – уточнила она. – Большого.

Сара приблизила свой защищенный перчаткой палец к ящику и нажала на место, где были отпечатки. Ничего. Она нажала снова, на сей раз сильнее, и угол отодвинулся, издав щелчок.

– Что это такое? – забеспокоилась молодая эксперт.

Вздвигнув от выброшенного в кровь адреналина, Сара встала и снова открыла уже осмотренный ею ящик.

На первый взгляд, по сравнению с предыдущим осмотром ничего не изменилось. Счета лежали там же. Вот только как будто стопка стала немного выше: дно ящика приподнялось на несколько сантиметров.

Сара очень осторожно сунула пальцы в образовавшуюся щель. Латексные перчатки наткнулись на ребро закрывавшей двойное дно дощечки, которую она приподняла.

Глава 6

Павел убедился, что за ним нет хвоста, и вошел в один из самых облезлых многоэтажных домов Осло. Он поднялся по вздувшейся от сырости лестнице и открыл дверь в квартиру-студию. Войдя внутрь, он запер замок на двойной поворот ключа, после чего положил на деревянный стол пакет с картошкой фри, гамбургерами и газировкой.

В этот момент прозвучал шум спущенной воды, и из туалета вышел мужчина.

– О! Жратва, наконец-то!

Угрюмый мужчина в клетчатой рубашке плюхнулся на пластиковый стул возле стола, развернул еду и откусил большой кусок от сэндвича, после чего жадно набросился на картошку.

– Даже руки не помоешь перед едой? – спросил Павел, с отвращением глядя на него.

Он был стройнее и старше своего напарника.

– Думаешь, тот тип, что готовил тебе гамбургер, делал это чистыми руками?

Мужчина в клетчатой рубашке отхлебнул кока-колу и довольно вздохнул.

– Подумать только: если б не разнесли на хрен Берлинскую стену, мы б никогда не попробовали этих штукун, – бросил он, восхищенно разглядывая свой стаканчик. – Не хочешь глоточек?

Мужчина обращался не к Павлу, сидящему рядом, а повернувшись к одному из углов комнаты. Он встал и пошел туда тяжелым шагом.

Там сидела прикованная наручниками к батарее отопления женщина. На вид ей было не более тридцати лет, черты ее лица искажал страх. Блестящими от слез глазами она с ужасом следила за приближением своего похитителя.

А тот достал нож и приставил острое к горлу молодой женщины под подбородок.

– Если заорешь, когда я выну кляп, мне потом все-таки придется помыть руки. Поняла?

Она кивнула.

Мужчина вынул из ее рта полотенце и насильно вставил ей между губ соломинку. Без удовольствия, чисто инстинктивно, она втянула сладкий напиток.

– Хватит, – бросил Павел.

– Сеанс окончен, красавица. Если захочешь пописать, я с удовольствием провожу тебя в туалет.

– Прекрати! Это не входит в условия договора.

– Что, уже и развлечься нельзя?

– Нет. Меня бы это удивило.

– А кто эта бикса?

– Понятия не имею, как и ты. Но ты знаешь: нам заплатили, чтобы спрятать ее здесь. Значит, она не какая-нибудь дешевка.

– И долго нам тут торчать?

– Пока вовремя платят, мне на это начхать. Ну что, в картишки?

– В картишки.

Пленница скривилась от боли, когда ей в рот снова засунули кляп, а ее глаза еще сильнее затуманились от отчаяния.

Глава 7

В тайнике, обнаруженном Сарой, лежал мобильный телефон. Она включила его, но аппарат потребовал ввести пин-код. Она протянула его стоявшей рядом Эрике.

– Отправьте в лабораторию и скажите, чтобы его как можно скорее разблокировали.

– Да, мадам.

Молодая женщина положила мобильник в пластиковый пакет и вернулась к бюро продолжать свою работу.

– Эрика, я вам сказала «как можно скорее». Прикажите отдать на экспертизу отпечатки пальцев и образцы, уже найденные вами. Параллельно проведите анализ телефона. И позвоните мне, как только получите результат.

– Хорошо... Я поняла.

Эксперт со всей возможной быстротой собрала свои инструменты и ушла.

Оставшись одна в монастырской тишине кабинета, Сара села в отцовское кресло. Ее беспокойство и неприятное предчувствие усиливались. Последняя находка укрепляла предположение, которого она боялась: ее отец был не тем человеком, за которого она его принимала. Сара рассеянно посмотрела в окно. Танец голых ветвей деревьев под сильным ветром вызвал у нее дрожь. Даже в теплой парке она почувствовала озноб. Может, она действительно зря взяла на себя это расследование? Возможно, это дело, за которое она схватилась, чтобы удержать голову над водой, в реальности, напротив, утопит ее? Тем более что в этот раз рядом с ней не будет Кристофера, помогавшего ей выплыть... Она сможет рассчитывать только на себя. Она одна. Одна будет расследовать убийство своего отца.

И она не собирается полагаться на молодого офицера, который официально назначен вести расследование. Кстати, возможно, пора с ним поговорить.

Офицер Колл покорно ждал в прихожей. Он выглядел слишком молодо для своих тридцати лет, но Сара заметила, что взгляд у него более глубокий и умный, чем ей показалось вначале, когда она перекинулась с ним несколькими словами. Он был блондином, волосы коротко подстрижены, осталась только спадающая на лоб челка. В его голубых глазах читалось благородство. И он совсем не излучал наивность, приписанную ему Сарой при первом контакте.

Скорее, это была форма зрелости, окрашенная грустью, которую даже наметанный глаз Сары не смог различить с первого раза.

– Вы согласны со всем, о чем вас попросил Стефан?

– Да. Используйте меня по вашему усмотрению, я сделаю все, чтобы помочь вам, хотя мои возможности несколько ограничены, – ответил Адриан Колл.

Он с огорченным видом поднял загипсованную руку.

Сара заметила на надбровной дуге Адриана шрам и мысленно спросила себя, не притягивает ли этот парень к себе раны и травмы.

– Это, – сказал он, коснувшись лба, – ошибка новичка, когда я работал по другой профессии...

Адриан заметил взгляд, брошенный Сарой на его шрам.

– Но я бы хотел в первую очередь выразить вам... мои соболезнования, – продолжил он.

Молодой человек произнес эти слова с сопереживанием, а его лицо выражало искреннюю печаль.

– У вас есть идеи насчет того, кто мог сделать такое с вашим отцом? – решился он задать вопрос.

Сара покачала головой, и в этот момент у нее в кармане подал голос телефон. Звонили из Института судебной медицины.

– Инспектор Геринген.

– Я далеко продвинулся во вскрытии, – начал Тобиас.

– И каковы результаты?

Медэксперт сделал паузу. Его голос стал менее уверенным.

– Я бы хотел, чтобы вы приехали сюда, Сара. Такую странную вещь я не могу объяснить по телефону. Надо, чтобы вы это увидели сами.

Глава 8

Сидевший за столом в своем кабинете Стефан бросил трубку на середине фразы и пригласил мужчину, остановившегося на пороге, войти.

– Скажите мне, что вы что-нибудь узнали!

– Мне очень жаль, господин начальник, но наши информаторы ничего не сообщают.

Стефан, который редко терял самообладание, не смог сдержать злость:

– Я не хочу этого слышать! Не может такого быть, чтобы в Осло похитили женщину, а ни один из ваших осведомителей не был в курсе этого, мать их! Назначьте вознаграждение, закройте глаза на их делишки, делайте что хотите, но найдите ее!

– Господин начальник полиции, при всем уважении к вам, не в наших правилах так действовать. Это грозит совершенно невероятным числом просьб и...

– Вы можете меня выдать, изложив это в вашем рапорте, инспектор, и меня вышвырнут из моего кресла. А пока что я ваш начальник, и вы будете делать то, что я вам скажу.

– Почему вы не хотите, чтобы объявление о похищении сделали по радио и телевидению?

– Все очень просто. Боюсь, как только похитители этой женщины узнают, что ее ищут, они не остановятся перед убийством.

Телефон Стефана зазвонил, и он тут же схватил трубку.

– Да?

– Образцы ДНК, обнаруженные на месте похищения, идентифицированы, – прозвучал голос из трубки. – Они принадлежат некоему Павлу Руссову, члену русской мафии. Я только что отправил вам по электронке досье на него.

Стефан открыл досье и увидел фотографию того, кого искал. Он положил трубку и повернул экран компьютера к инспектору:

– Найдите мне этого типа. Любой ценой.

Глава 9

Сара молча шла по гравийной дорожке в сопровождении офицера Колла. Ей казалось, что родительский дом смотрит ей вслед, ожидая ответа на вопрос о том, что в нем произошло. Ускорив шаг, она вышла из калитки, и тут ее окликнули.

Ее сердце забилося чаще.

Она повернулась направо и увидела его, стоящего возле открытой дверцы автомобиля.

По блеску его глаз и по языку тела, который она знала наизусть, Сара поняла, каких титанических усилий стоило Кристоферу заговорить с ней. Словно влюбленному подростку, не решающемуся первым подойти к девочке, в которую безумно влюблен.

– Адриан, подождите меня в машине, я скоро.

Когда офицер Колл отошел на достаточное расстояние, Кристофер сделал несколько шагов к Саре. Ей с трудом удалось заставить себя не уступить желанию броситься в его объятия.

– Что ты здесь делаешь? – спросила она.

– Я догадался, что ты поедешь к родителям... Но что происходит?

Он указал на черно-желтую ленту, преграждавшую вход в дом.

– Мой отец... – Саре было тяжело закончить фразу. – Его убили, – наконец договорила она.

Кристофер побледнел.

– Что? Твоего отца... Но... не может быть...

Прижав руку ко лбу, Кристофер смотрел на дом так, словно даже его существование казалось ему нереальным.

– Пожалуйста, не говори ничего Симону. Во всяком случае, сразу, сейчас. Не раньше, чем выяснится, что произошло.

Кристофер, казалось, подбирал слова для ответа, но Сара прервала его размышления:

– Послушай, мне очень жаль, но я должна ехать.

– Подожди, ты не можешь уйти вот так. После всего этого времени. После того, что ты мне сейчас сообщила. Дай мне... хоть несколько минут.

– У меня нет времени, мне надо ехать к судмедэксперту.

Сара вздрогнула, когда Кристофер положил руку ей на плечо. Чуть раньше сегодня она в аналогичной ситуации едва не выкрутила запястье Стефана. В этот раз она еле сдержалась, чтобы не положить свою руку поверх руки Кристофера, чтобы не сжать его пальцы своими. Она остановилась в последний момент.

– Одну минуту, – прошептала она.

Они сели рядом на скамейку, стоявшую на тротуаре.

– Как ты себя чувствуешь? – спросил Кристофер.

– Пока работаю – держусь.

– Расследование будешь вести не ты?

Если бы Сара призналась Кристоферу, что расследование поручено ей неофициально, он попытался бы ей помочь, и она снова подвергла бы его жизнь опасности.

– Нет. Тот молодой офицер.

– А где ты пока будешь жить? У сестры?

– Я бы с удовольствием, но она считается свидетелем...

– Значит, одна, в гостинице?

Сара поняла, что Кристофер предлагает ей поселиться в их доме, но она не хотела давать ему ложных надежд, потому что еще не была готова к нему вернуться.

Кристофер догадался об этом по ее молчанию.

– Послушай... То, что ты мне сказала в комнате для свиданий год назад, когда прогнала меня под предлогом, что не хочешь, чтобы я портил себе жизнь, дожидаясь тебя... так вот, знай, что в стратегическом плане это был твой полный провал.

Как ей не хватало Кристофера! У него была совершенно особенная манера таким образом представлять неприятные, даже болезненные, вещи, что они становились источником успокоения.

– Я не принес тебе фотографий нашего иллюминированного дома, свечей, которые мы с Симоном зажгли к твоему возвращению. Но знай, что мы тебя ждем...

Кристофер посмотрел Саре в глаза и положил свою руку поверх ее руки. «Не сдаваться!» – вздрогнув, мысленно кричала она себе. И сделала глубокий вдох.

– То, что я сказала тебе при нашей последней встрече, правда, – произнесла Сара, осторожно высвобождая руку.

– Ты говоришь о мальчике, которого нашли утонувшим?

Она подтвердила, опустив веки.

– Напоминаю тебе, что я журналист и за последние месяцы у меня было достаточно времени, чтобы изучить это дело. И пусть я пока еще не собрал всех доказательств, имею веские основания полагать, что ты не убивала этого мальчика, как бы ни старалась уверить меня в обратном. Так что для меня вопрос не узнать, говоришь ли ты правду или нет, а почему ты продолжаешь мне врать. Если не хочешь продолжать со мной отношения, так прямо и скажи. Но, выдавая себя за монстра, ты не заставишь меня убежать от тебя.

Кристофер выдержал ледяной взгляд ее голубых глаз. Возможно, он был единственным мужчиной, способным на это.

– Скажи мне, что между нами все кончено, и я исчезну из твоей жизни.

Сара дрожала. Борьба, происходившая в ней, была невыносимой. Как легко было бы предаться счастью. Но нечестно заставлять Кристофера верить, что все наладится.

– Я не могу вернуться, – пробормотала она.

– Но почему?

– Из-за этого проклятого чувства вины, которое продолжает меня грызть!

– Какой вины, Сара? – возмутился Кристофер. – Ты отлично знаешь, что не убивала папессу в Ватикане. Правосудие это доказало. И этого ребенка, его тоже не ты! Тогда о чем ты говоришь?

– О той вине, которая преследует меня с раннего детства! О той уверенности, что я совершила что-то плохое и должна искупить страдания, которые причинила.

– Да кому?!

– Я не знаю! Не знаю. Я потому и занимаюсь этой работой... Надеюсь, что, помогая всем этим потерпевшим, я однажды, возможно, заглушу то чувство, которое гложет меня изнутри и мешает жить!

– Сара, я думал, ты покончила с этим...

– Я тоже так думала, но это постоянно возвращается. Это засело у меня внутри и крутит, выжидая своего часа. И пока все останется по-прежнему, я никогда не смогу быть счастливой и не смогу сделать счастливым тебя. Ни тебя, ни Симона. Хуже того: я навалю на вас мои проблемы и разрушу вам жизнь. А это... лучше уж умереть!

Кристофер схватил встававшую Сару за руку.

– Мне очень жаль, – проронила она, мягко отстраняя руку Кристофера.

Сара повернулась к нему спиной, опустошенная оттого, что заставила страдать того, кого любила, и направилась к машине, где ее ждал Адриан, усевшийся на пассажирское место. Она с тяжелым сердцем села за руль и молча отъехала.

Глава 10

Когда они выехали на дорогу, идущую вдоль фьорда, Сара включила противотуманные фары.

В противоположность всем коллегам, с кем ей довелось работать, Адриан Колл не пытался завязать разговор. Молодой офицер делал пометки в блокноте, и тишину нарушали только шорох шин по асфальту и острия карандаша по бумаге. Или его проинструктировал Стефан, или он был молчун по характеру.

– Вам уже приходилось расследовать убийства? – наконец спросила она.

Адриан закрыл блокнот и спокойным голосом ответил:

– Нет...

– Сколько вам лет?

– Тридцать два года.

– Давно вы в полиции?

– Четыре месяца. Не считая времени обучения для сдачи экзамена на звание инспектора.

Да, Стефан подsunул ей совершенного новичка.

– И еще ни разу не вели самостоятельного расследования?

– Нет, но я многому научился, присутствуя на допросах подозреваемых и свидетелей, а также я сопровождал коллег при выездах на место происшествия.

– Чем вы занимались раньше?

– Работал в автоцентре «Вольво».

– А по какой причине ушли оттуда?

– Когда предприятие купили китайцы, они закрыли множество точек. Мне предложили перевестись в Швецию, но я не захотел.

– Почему? – спросила Сара.

Адриан опустил глаза, словно смутившись, и погладил пальцем шрам около брови.

– Отец умер два года назад, теперь я один забочусь о матери. Она живет здесь, в квартале Тор-шов. Я не мог бросить ее одну.

Слушая Адриана, Сара вдруг осознала, до какой степени ей больно оттого, что она не может утешить мать, обнять ее.

– А почему именно полиция? – поинтересовалась она, взяв себя в руки.

– Ну, как раз потому, что мне надоело видеть, как на мою старую мать нападают грабители, мне осточертело смотреть, как рэкетируют автосервис, где я работал. Потому что мне хотелось придать своей жизни хоть какой-то смысл.

Сара почувствовала в голосе Адриана нотку раздражения. Она посмотрела в зеркало заднего вида, прежде чем свернуть на скоростное шоссе.

– Это Стефан взял вас на службу?

– Да. Думаю, он посчитал, что мои результаты на конкурсных испытаниях на звание инспектора достаточно хороши. А потом, ему понравилось, что у меня уже есть профессиональный опыт.

– Но вы должны понимать, что это расследование совершенно не похоже на те мелкие правонарушения, с которыми вам доводилось иметь дело раньше.

– Среди молодых полицейских, таких как я, вы являетесь образцом для подражания. Каким бы ни было дело, которое мы расследуем, работать с вами – это удача, от которой не отказываются.

Сара никогда не задумывалась над тем, как выглядит в глазах коллег. Она почувствовала некоторую благодарность к этому парню, хотя считала, что есть много специалистов, которые

лучше ее. А потом, она выбрала эту профессию не ради славы, исключительно ради того, чтобы почтить память жертв преступности.

– А ваша рука? – задала Сара новый вопрос. – Как это получилось?

– Эта история не улучшит ваше мнение о моем профессионализме. Я попытался помешать разбойному нападению в Грёнланде, а тот тип меня толкнул. Я упал на угол бровки – хруп!

Сара отлично знала этот квартал и легко себе представляла, что там могло произойти.

– Позвольте задать вам один глупый вопрос, инспектор?

Сара пожала плечами.

– Почему у вас и ваших родителей разные фамилии?

– Геринген – это фамилия моего бывшего мужа. Я ее оставила после развода, чтобы моих ближайших родственников никак не связывали с моей работой.

– О'кей.

В машине снова установилась тишина, вскоре нарушенная звонком мобильного телефона Адриана.

– Что там? – спросила Сара.

Адриан не ответил. Он нагнулся к телефону.

– Офицер Колл.

– Объявление всем полицейским службам Осло...

– В чем дело?

– Вышла статья в газете. Думаю, вам лучше остановить машину.

Сара съехала на обочину, остановила машину, заглянула в телефон Адриана и поблелела.

«ИНСПЕКТОР САРА ГЕРИНГЕН — ГЕРОИНЯ СУМЕРЕЧНОЙ ЗОНЫ

Оправданная по обвинению в убийстве, инспектор Сара Геринген сегодня выходит из тюрьмы. Но другое дело может отправить ее обратно.

Сара Геринген – это имя было у всех на устах еще со времен дела психиатрической больницы в Гёустаде и еще больше в связи с делом об убийстве премьер-министра нашей страны, расследованием которого она руководила.

Бывший боец сил специального назначения, участница операции в Афганистане вплоть до 2012 года, Сара Геринген, прежде чем вступить в ряды полиции Осло в качестве дознавателя, проходила, как утверждает полиция Осло, с февраля по апрель 2013 года якобы курс психологической реабилитации в специализированном горном центре в Хемседале с целью избавиться от посттравматического синдрома.

В реальности нога г-жи Геринген никогда не ступала в Хемседалский центр. Эту информацию нам подтвердили два источника внутри данного медучреждения. Почему же нас хотели заставить поверить в то, будто бы г-жа Геринген действительно проходила там реабилитационный курс? И где на самом деле она находилась в этот период времени?

Начало ответа нам предоставила служба дорожного контроля. Г-жа Геринген, чье лицо, автоматически опознанное видеокамерами как лицо сотрудника полиции, 21 февраля 2013 года в 10:06 была сфотографирована камерами у терминала оплаты за проезд на автострате E39 перед Ставангером. То есть в четырехстах километрах от реабилитационного центра в Хемседале. На заднем сиденье ее автомобиля находился пассажир. Учитывая его рост, вполне вероятно, что речь идет о ребенке.

На этом дело могло бы остановиться, но через месяц ребенка нашли мертвым в порту Ставангера. Было установлено, что это маленький Маттс Хелланд, проживавший в Оппсале. Поскольку оба родителя ребенка к настоящему времени мертвы, расследование не смогло

выяснить обстоятельства его пропажи. На сегодняшний день никто не в состоянии сказать, где находилась г-жа Геринген между моментом, когда ее зафиксировала видеокамера, и моментом обнаружения тела утонувшего мальчика.

Норвежцы имеют право знать правду. Ту правду, которая сверкнет молнией лишь тогда, когда этим делом займется правосудие».

Статья была написана Томасом Хольмом, знаменитым репортером.

Тягостную тишину в салоне автомобиля нарушали только сигналы других машин, на большой скорости пронесившихся мимо. Офицер Колл поглаживал шрам, не осмеливаясь взглянуть на Сару.

– Не позднее чем через два дня против меня возбудят дело и начнутся допросы и проверки, – с горечью заявила Сара. – Вполне возможно, я окажусь в предварительном заключении.

Адриан Колл, казалось, размышлял. Сара позвонила Стефану и долгих десять минут ждала, когда освободится линия.

– Я объясню, что непричастна к этому делу, – сказала она, когда он ответил на звонок.

– Угу. Посмотрим, что это даст... Тут настоящий дурдом: мне обрывают телефон разные шишки.

– Сколько времени ты мне отводишь на завершение расследования?

– Жми. Там посмотрим. В любом случае потерять тебе нечего.

– А Коллу?

Стефан ответил не сразу.

– Скажите ему, что я не хочу останавливаться, – вдруг произнес Адриан.

– Стефан? Ты слышал?

– Да.

– Это плохо отразится на его дальнейшей карьере.

Адриан нагнулся к трубке.

– Господин начальник, я знаю, что за несколько дней работы с инспектором Геринген я научусь куда большему, чем за полтора года подготовки. Если хотите оказать мне услугу, позвольте продолжать это расследование вместе с ней.

– Если вы согласны, то продолжайте. Удачи, Сара.

Сара смотрела на Адриана со смесью восхищения и печали. И думать нечего, с такой решимостью он может далеко пойти. Даже если обожжется.

– Вы уверены в вашем выборе?

– Не хочу возвращаться в районный участок и принимать заявления граждан, зная, что упустил такое дело.

Адриан осознал, что сейчас ляпнул.

– Ну... я хочу сказать...

– Не извиняйтесь: это же не ваш отец.

Сара выехала с обочины на проезжую часть.

– Всего один вопрос, – добавил Адриан. – То, о чем сказано в статье, правда?

– Факты – да. То, на что автор намекает, – совсем другая история, – ответила Сара, нажимая на педаль газа.

Глава 11

Кристофер бросил газету на пол и рывком поднялся.

Стены его кабинета в доме, который еще год назад он делил с Сарой, были увешаны планом Осло, картой Норвегии, сделанными от руки заметками и вырезанными из газет статьями, в которых многократно упоминалось имя Сары Геринген. Это были приметы той напряженной работы, которую он делал на протяжении года, и одновременно его журналистской деятельности в еженедельнике «Моргенбладет».

После того как Сару посадили в тюрьму, он много раз возвращался в Оппсал, на место исчезновения маленького Маттса Хелланда, но в этом предместье Осло, кишасщем наркоторговцами и хулиганами, никто не хотел с ним разговаривать. Через Тобиаса Ловструда, которого он знал по рассказам Сары, он попытался раздобыть судебно-медицинское заключение о причинах смерти мальчика... но старый эксперт ему не доверял. Та скудная информация, которую ему все-таки удалось собрать к этому моменту, к сожалению, скорее подтверждала факты, изложенные Томасом Хольмом в его статье.

Сегодня утром он подбадривал Сару, говоря, будто бы проводимое им расследование подтверждает ее невиновность, но она не захотела об этом говорить. Хотела ли она по-прежнему отдалить его от себя или скрывала действительно совершенное ею преступление?

Кристофер кружил по комнате, ища какой-то новый ход, который вывел бы его расследование из тупика, когда зазвонил телефон. Номер звонящего был не знаком. Он взял трубку и услышал робкий голос:

– Вы просили меня позвонить, если вдруг мне будет что вам рассказать о смерти Маттса Хелланда. Ну вот, я звоню.

Кристофер сел за письменный стол, быстро схватил карандаш и бумагу. Он понятия не имел, с кем разговаривает.

– Да, вы правильно сделали, – ответил он. – Напомните мне ваше имя.

– Мелинда. Это насчет инспекторши и малыша Маттса.

– Да, конечно...

– Я прочла статью в газете. Этот Томас Хольм много раз приезжал в наш район, но он показался мне несимпатичным, и я уверена, что он будет плести всякую чушь. А вам, если хотите, я могу рассказать то, что знаю.

– Я могу к вам приехать немедленно.

– Да, меня это устраивает. Приезжайте, пока дети в школе.

– Напомните мне ваш адрес?

Кристофер вскочил в машину и меньше чем через полчаса уже был в Оппсале. На улице банда молодых парней пристально оглядела его, показывая, что в этом квартале он – нежелательный гость. Кристофер игнорировал эту молчаливую угрозу.

Дверь квартиры, в которую он постучал, была испещрена порезами. Он смутно помнил открывшую ему молодую женщину – маленькую пухленькую брюнетку в спортивном костюме, которую действительно расспрашивал год назад. Она бросила быстрый взгляд на лестничную площадку и впустила его.

С кухни сильно пахло подгоревшим растительным маслом.

Кристофер споткнулся о валявшуюся в коридоре пластиковую сумку.

– Простите меня за беспорядок, – извинилась хозяйка.

– Не понимаю, о чем вы. Я живу один с ребенком, и если бы вы видели, на что похоже мое жилище...

Женщина проводила его в гостиную и села на покрытый пятнами диван. Кристофер расположился напротив нее на стуле.

– Спасибо, что позвонили. Ценна каждая новая информация, – сказал он с легкой улыбкой, располагавшей к откровенности.

Молодая женщина собрала свои волосы в хвост.

– Сегодня утром я прочитала статью и поняла, что тот журналист не любит инспекторшу. Когда он приходил сюда, то будто бы сказал, что у него уже есть идея, как с ней разделаться, и что он только ищет улики, чтобы утопить ее. Хотите чего-нибудь попить?

Она протянула руку к стоявшей на столе бутылочке кока-колы.

– Нет, спасибо.

– Я ее никогда не встречала, эту инспекторшу. Она ваша жена, да?

Кристофер развел руками, выражая свое смущение.

– В конце концов, это ваши дела. Но когда я увидела по телевизору, что ей пришлось пережить, чтобы найти того типа, который убил нашу премьершу... и когда слышала, как вы рассказывали обо всех мерзостях, которые некоторые типы сделали, чтобы унижить женщин и отнять у них всякую власть, я прям взбесилась от злости! Я сказала себе, что она офигенно упрямая, раз раскопала все это. И тогда почувствовала симпатию к этой Саре Геринген. Особенно после всего, что сама пережила.

Молодая женщина открутила крышку бутылки и отхлебнула газировки.

– Короче, сегодня утром, когда прочитала статью, в которой намекается, что она убила маленького Маттса, я сказала себе: нужно, чтобы эту историю расследовал кто-то другой, и мне начхать, если козлы с улицы скажут, что я не должна была говорить. Я не хочу быть подлой.

– От таких людей, как вы, редко доводится слышать подобное. Вы по-настоящему смелая, – сказал Кристофер.

– Я не знаю, поможет ли ей то, что я расскажу. Но, по крайней мере, это будет правда.

У Кристофера от тягостного предчувствия все сжалось в животе.

– Я вас слушаю.

– Ну вот, значит, мне кажется, это было ровно через неделю. Через неделю, значит, после смерти матери малыша Маттса. Я не могла заснуть и курила на балконе. И оттуда увидела ее, Сару эту. На улице, перед домом. Она вернулась.

– Вы уверены, что это была она?

– В этом квартале рыжих нет.

– Вы помните, который был час?

– Наверное, часа два ночи, где-то так.

– А потом?

– Она вошла в дом. Я приоткрыла дверь квартиры, чтобы видеть, куда она пойдет. Услышала, что она поднялась на этаж, где жил малыш Маттс. А потом, я не знаю, через полчаса, наверное, она вышла. Шла супербыстро. И держала мальчика за руку.

Кристофер не показал охватившего его неприятного ощущения.

– И что же вы сделали?

– Пошла напрямик к папаше Хелланду. Я подумала, что она замочила отца и украла ребенка.

Кристофер вытер свои мокрые от пота ладони о брюки.

– Помню, я как ненормальная колотила в дверь. А тот, мразь, открывает, весь такой на нервах. Я ему говорю, что инспекторша увела его сына, а он хватает меня за шкирку, прижимает к стене и заявляет: «Если кому хоть слово вякнешь, уокошу и тебя, и твоих мальцов».

Молодая женщина снова отхлебнула колы.

– Мать его! У меня до сих пор внутри холодеет, как вспомню, какого страху он на меня нагнал. Теперь мне на него – тьфу! Он помер, но тогда, клянусь вам, я сильно перетрусилась. Вот, это все, что хотела вам рассказать.

Смущенный, Кристофер кивнул.

– Думаете, она в самом деле его убила? – спросила молодая женщина.

– Нет.

– Ага, я тоже не верю, но столько повидала в жизни, что всегда говорю себе: не надо доверять внешности. Вроде она суперполицейская, но что-то в ней не так. В общем, не знаю. Я просто не хочу, чтобы о ней рассказывали всякое разное.

Кристофер поднялся. Он не мог дольше изображать невозмутимость.

– Спасибо, Мелинда.

– Понимаю, что вам не доставило удовольствия то, что я рассказала... Но вы, по крайней мере, пытаетесь ей помочь. Вы ее любите, да?

– Не стану вас дольше беспокоить. И еще раз спасибо за то, что рассказали мне все это.

– Желаю вам мужества.

К своей машине Кристофер шел быстрее, чем от нее к дому, когда приехал. Он никогда не думал, что получит столь изобличающее показание против Сары.

Глава 12

– Входите! Входите! – крикнул далекий голос, когда Сара постучала в дверь кабинета судмедэксперта.

От навязчивого запаха дезинфицирующего средства, смешавшегося с запахом камфары, ее замутило, а яркий свет ослепил. Зал был выложен белой плиткой, в неоновом свете блестела мебель из нержавеющей стали. В одном углу стояло желтое пластиковое ведро, в котором, судя по этикетке, лежали инфекционные образцы.

В центре помещения три прозекторских стола с небольшими углублениями для стока человеческих жидкостей напоминали, что они здесь не для того, чтобы принимать живых.

На одном из столов, прикрытый простыней, лежал труп, ярко освещаемый лампой. Весы и их чаши ожидали органы, которые на них положат для взвешивания. Рядом на тележке лежали скальпель, пила для черепа, костотом для вскрытия грудной клетки и прилегающий к нему расширитель, ножи для разрезания хрящей и трубочки инсuffлятора. Сара не могла отвести взгляд от этих запачканных кровью инструментов, и горло ей обжигал горький комок. Она услышала за спиной скрип пододвигаемого стула, и рука мягко нажала ей на плечо, приглашая садиться.

– Сара, у вас просто дар притягивать необычные неприятности.

Тобиас Ловструд сохранил добродушие, так не вязавшееся с его профессией. Его доброта читалась на круглом лице, окаймленном скромной седеющей бородкой, и в доброжелательном взгляде защищенных маленькими очками глаз.

Его теплая и успокаивающая рука лежала на плече Сары.

– Послушайте, Сара, вам надо будет собой заняться! – сказал он, массируя ей плечо. – Нельзя позволить зачахнуть такой красивой и выдающейся женщине. Эй, офицер Колл? Как ваше имя?

– Инспектор Колл, доктор, – сумел выговорить Адриан, не сводивший глаз с простыни, под которой лежал Андре Вассили.

– Инспектор или офицер, ваша главная задача, которую я на вас возлагаю, – следить, чтобы Сара правильно питалась и высыпалась. В остальном – смотрите, как она работает, и учитесь. Вам довелось работать с лучшим специалистом своего дела. Намного лучшим, чем остальные.

– Что вы нашли? – спросила Сара.

– Да... вы правы, вы здесь ради результатов вскрытия, – ответил Тобиас более спокойным тоном.

Он направился к столу, на котором лежал труп. Сара испугалась, что он поднимет простыню, но, к счастью, судмедэксперт этого не сделал, а взял блокнот, на страницах которого было нацарапано несколько заметок.

– Вскрытие еще не закончено, но вот что уже могу вам сказать. На затылочной части черепа имеется след ушиба – синеватого цвета, недавнего происхождения. Данная травма подкожная, не имеет признаков рассечения кожи, удар был нанесен тупым, а не острым предметом.

– Это он стал причиной смерти?

– Нет... Костная ткань не повреждена. Удар был призван ранить или оглушить, поскольку нанесен прижизненно. Возможно, убийца хотел, чтобы жертва оказалась в его власти.

– Гангрена пальцев рук и ног. Как вы это объясняете?

Тобиас смущенно покачал головой.

– Вы потеряли килограммы, но не напор машины для исследований.

Тобиас приподнял край простыни. Снова увидев пальцы, съеденные и изуродованные гангреной, Сара едва подавила приступ тошноты.

– Избавлю вас от клинических подробностей, – снова заговорил Тобиас.

Он подошел к выключателю, чтобы увеличить освещение, и взял труп за руку.

– Жертва была еще жива, когда переживала эти пытки: заметны первые признаки рубцевания ран. Гангрена вызвана обморожением. Видите: здесь и здесь ясно различимы места прижатия головки аппарата...

Сара действительно увидела на подушечках пальцев точки.

– Убийца использовал аппарат для криотерапии, вроде тех, что дерматологи применяют при выведении бородавок. Но вместо того, чтобы прикладывать головку на двадцать секунд, он прижигал кожу жидким азотом, имеющим температуру минус 78,5 градуса, в течение нескольких минут. И так с каждым пальцем на руках и ногах, что вызвало разрушение внутренних тканей на клеточном уровне и быстрый некроз.

Голос Тобиаса смолк в тишине зала. Сара почувствовала, что не может стоять и должна сесть.

– Мой отец умер от последствий этой... пытки? – наконец сумела выговорить Сара.

Тобиас аккуратно накрыл изуродованную руку.

– Нет.

– Тогда какова же причина смерти?

Судмедэксперт указал пальцем на простыню на уровне груди трупа.

– Анализы показали интенсивные заторы на многих уровнях метаболизма, горрагический отек легких, острую миокардию на уровне сердца и обильное присутствие пенистой пенки на уровне трахеи и бронхов. – Судмедэксперт поднял глаза на Сару. – Мы имеем дело с симптомами, соответствующими анафилактическому шоку. Иными словами, Андре Вассили умер от сильной аллергической реакции, повлекшей остановку сердца.

– Аллергии на что? – удивилась Сара. – На белый порошок?

– Вот это я и хотел проверить. Я позволил себе провести собственный анализ данной субстанции, не дожидаясь заключения официальной экспертизы. Короче, этот белый порошок не что иное, как мука, – закончил Тобиас, пожимая плечами. – Обычная мука. Пшеничная.

Сара подумала, что это открытие придает смерти ее отца еще бо́льшую странность.

– Полагаю, вы...

– ...протестировал возможность аллергической реакции жертвы на пшеничную муку?

Сара подтвердила взмахом ресниц.

– Вам неизвестно, он не был подвержен аллергии на муку? – спросил Тобиас Сару.

– Нет, насколько я знаю.

– Не важно, в любом случае дозы иммуноглобулина намного ниже критического значения при аллергии на эту субстанцию. Андре Вассили не имел аллергии ни на пшеницу, ни на гречку, ни на любой другой злак. Иначе говоря, не мука спровоцировала чрезмерную реакцию иммунной системы и смерть.

– А сколько времени понадобится, чтобы установить аллерген? – осторожно спросила Сара.

– О! – Тобиас воздел руки. – Единственное я могу уверенно заявить в настоящий момент: смертельный аллерген имеет пищевое происхождение. Только пищевые продукты могут вызывать реакции того типа, что я диагностировал у жертвы. Но если основных аллергенов насчитывают около полутора десятков, то известны по меньшей мере сто двадцать продуктов, способных вызывать аллергию. Так что работенка предстоит большая. Дайте мне хотя бы пару дней, чтобы установить точный пищевой рацион жертвы.

– А что за инородное тело вы нашли в животе? – спросила Сара.

Тобиас подошел к стене, на которой висел негатоскоп, и взял три рентгеновских снимка, помещенные на верхней поверхности экрана.

– В желудке жертвы находилось нечто, чего там быть не должно.

Сара подошла. Она услышала, как позади нее офицер Колл тоже сделал несколько шагов к экрану. Четкие снимки не оставляли никаких сомнений. На сером фоне позвоночника, грудной клетки и внутренних органов ее отца четко выделялись белые правильные контуры предмета, имевшего форму ключа.

Глава 13

– Вот он, – произнес медэксперт, поднося ей блестящий металлический поднос, на котором лежал ключ.

Ключ длиной сантиметров восемь имел головку, украшенную резьбой, и лезвие со сложным лабиринтом прорезей и выемок.

– Как вы полагаете, можно установить, заставили ли моего отца проглотить этот ключ силой или же он сделал это добровольно? – спросила Сара.

– Да, да, конечно, я тоже задумался об этом. Во-первых, могу со всей уверенностью сказать, что ключ был введен внутрь орально, поскольку на животе не имеется никаких следов разреза или шрамов. А чтобы ответить на ваш вопрос, – продолжил Тобиас, направив указательный палец на рот трупа, – вы ясно видите разрывы в углах губ. Можно предположить, что жертву принудили раскрыть рот. А вот для того ли, чтобы заставить проглотить ключ или продукт, вызвавший анафилактический шок, я вам сказать не могу. Единственное, в чем я уверен, это в том, что ваш отец был жив в момент, когда ключ попал ему в желудок.

Сара задумалась. Допустим, ее отец проглотил ключ добровольно, прежде чем вмешался убийца. В таком случае: почему он хотел его спрятать? Или, предположим, ее отца мучили ради того, чтобы он проглотил этот ключ. Но с какой целью, поскольку убило его не это?

Сара взяла ключ и положила его в пластиковый пакетик, который затем убрала во внутренний карман своей парки. Это первое, о чем она спросит мать во время ее допроса.

– Спасибо, – сказала Сара, направляясь к выходу. – Держите меня в курсе анализов на выявление аллергена.

– Инспектор Колл, будьте любезны подождать несколько минут в коридоре, – попросил медэксперт. – Я бы хотел быстро переговорить с инспектором Геринген.

Адриан повернулся к Саре, ожидая ее согласия.

Она кивнула; ей было любопытно узнать, что же Тобиас хочет ей сказать наедине.

– Ладно, – ответил Адриан.

Офицер простился с медэкспертом и вышел.

– Я следил за вашим делом, – заговорил Тобиас, присаживаясь на табурет. – Вы так рисковали в вашем последнем расследовании, чтобы выяснить истину, вы проявили большую смелость, Сара. Правда! Присядьте на пару минут.

Его голос обволакивал, возможно, оттого, что он был старше, или оттого, что с ним она не чувствовала себя подсудимой? Сара придвинула табурет и села напротив Тобиаса.

– Я так понял, что из-за этого дела ваша пара распалась...

Сара заметно побледнела.

– Простите, я излишне прямолинеен, но думаю, что никто другой не решится заговорить с вами на эту тему, а вас это тяготит.

– Мне надо идти.

Тобиас спокойно взял Сару за запястье, когда она начала подниматься с табурета.

– Позвольте, я смеряю вам давление?

Сара задрала рукав футболки. Тобиас надел ей на руку манжету тонометра, вставил в уши насадки дужек фонендоскопа, головку, заканчивающую противоположный конец шлангов, прижал к плечевой артерии у сгиба локтя и стал ритмично сжимать грушу тонометра.

– Сто пятьдесят на девяносто, – объявил он. – Не знаю, каково ваше нормальное давление, но могу сказать, что вы напряжены, – проронил он, скрипнув липучкой, когда снимал манжету.

Он ощущал ее, ища возможные ганглии на шее и под мышками. Потом приложил стетоскоп к груди Сары, затем к спине, и попросил ее несколько раз глубоко вдохнуть.

Сара была тронута заботой медэксперта. И эти его доброта и ласка, которых она не знала в течение года, высвободили в ней такое напряжение, что она не смогла сдержать слезы, затуманившие ей глаза. Потекшие по щекам капли принесли на губы свой соленый и печальный вкус. Тобиас ласково обнял Сару.

В это мгновение вся любовь, которую она испытывала к отцу, вырвалась наружу и разорвала ей сердце. Ей было плохо, так плохо! Сотрясаемая спазмами горьких рыданий, Сара злилась на себя за это. Злилась за то, что любила отца и одновременно ненавидела, он ни разу в жизни не сказал ни ей, ни ее сестре, какие чувства к ним испытывает. Почему она раньше не попыталась выяснить, что у него на душе? А теперь слишком поздно. Ее отец, этот незнакомец, умер.

Прижавшись к Тобиасу, она плакала до тех пор, пока не почувствовала полную опустошенность.

Она вытерла слезы.

– Спасибо...

– Вы же знаете, Сара, я здесь ради вас.

Она вышла из Института судебной медицины, офицер Колл следом за ней. Свежий ветер хлестнул им в лица, и Сара почувствовала, что к ней вернулось немного силы. Той силы, которая понадобится ей, чтобы справиться со стрессом от предстоящего допроса матери.

Глава 14

Кристофер припарковал машину на улице, проходящей напротив университетской больницы Осло. Он отказывался верить в то, что Сара может быть виновна в убийстве маленького Маттса. И при этом он не мог игнорировать информацию, которую узнал на сегодняшний день о посттравматическом синдроме: частая смена настроения, импульсивность, риск внезапного проявления насилия. Словом, целый набор проблем, от которых Сара могла страдать после возвращения из Афганистана.

Постепенно в голове у него стала складываться гипотеза, которая беспокоила его сильнее всего. И он почти испугался, когда впервые прокрутил ее в голове целиком, от начала до конца. В то время Сара была замужем за Эриком Герингеном, и они отчаянно пытались завести ребенка. Она прошла изнурительную медицинскую процедуру искусственного оплодотворения, следовавшие раз за разом неудачи разрушили ее надежды. И тут на ее пути неожиданно появился маленький Маттс: его мама только что умерла, а отец был жестоким человеком, наркоторговцем. Рассудок Сары несколько помутился после того, что она пережила в Афганистане, после неудачных попыток родить ребенка. Она решила забрать этого мальчика себе и жить с ним вдали от Осло, исполняя роль матери, которую ей отказывалась дать природа. И так продолжалось до того дня, когда ребенок, допустим, попросил ее отвезти его домой. Возможно, он стал вырываться, и Сара в гневе и в отчаянии неловким движением совершила непоправимое. А затем бросила труп в воду, имитируя случайное утопление.

Следствие пришло к выводу, что причиной смерти мальчика стал несчастный случай, но можно ли было верить официальной версии, если полиция намеренно лгала прессе, заявляя, что Сара Геринген в момент убийства находилась в реабилитационном центре в Хемседале? Только подлинное заключение судмедэксперта, ведшего дело, могло позволить выявить противоречия.

Кристофер, считавший, что сможет громко разоблачить инсинуации журналиста Томаса Хольма и спасти Сару от клеветы, сегодня терзался от страха обнаружить правду, которую не сможет огласить. Но и дать задний ход он тоже не мог.

Кристофер вышел из машины и направился к больнице.

Будучи журналистом, он хорошо знал расположение помещений и вошел внутрь, минуя официальный вход. Проследовав по лабиринту коридоров, через запасной выход и надземный переход на одном из верхних этажей без проблем проник в Институт судебной медицины и постучал в дверь Тобиаса Ловструда.

– Кристофер Кларенс, вы здесь? – произнес старый медэксперт, глядя на него так, будто речь шла о старом друге, с которым он поссорился в прошлом.

– Здравствуйте, Тобиас. Прошу меня простить за то, что явился без предупреждения...

– Вам повезло, что застали меня на месте. А Сара только что ушла.

– Я знаю про ее отца. Какой она вам показалась?

Тобиас снял шапочку и провел ладонью по лысой голове.

– Хрупкой, позвольте выразиться так.

– Она не выдержит этого удара?

– Вы знаете ее лучше, чем я. У нее много сил и упорства. Смерть отца стала для нее тем бóльшим шоком, что случилось это в день ее выхода из тюрьмы. А обстоятельства его гибели были такими ужасными...

– Вы читали статью?

– Какую статью?

Кристофер протянул ему сегодняшнюю газету. Тобиас снял перчатки, сдвинул на подбородок маску и прочитал.

Кристофер чувствовал ментоловый запах химических средств, едва заглушавший запахи, источаемые мертвой плотью. А в глубине зала он заметил тело, накрытое простыней. Словно желая сохранить интимность своего рабочего места, Тобиас, не прерывая чтения, закрыл дверь. Наконец он поднял голову.

– Я не думаю, чтобы Сара могла причинить вред ребенку. А вы?

Кристофер вздохнул.

– Я стараюсь не врать себе.

– Значит, у вас есть сомнения?

– В ту пору Сара только что вернулась из Афганистана, а после того, что ей довелось там увидеть и пережить...

Тобиас издал негромкое ворчание.

– Она не смогла бы дальше жить, если б совершила такое преступление.

– Сара уже убивала людей, и не раз. Возможно, что...

– Зачем конкретно вы пришли ко мне? Чтобы снова попросить заключение о смерти этого малыша?

– Да. Мы оба любим Сару, вы и я. И вам известно, что, даже если мы ничего не сделаем, ее изваляют в грязи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.